

*Хочется дышать лишь им.
Хочется любить лишь его.
И существовать лишь для него.
Хочется им жить.*

Глава 1

Я забыла, как дышать. К черту, забыла, какой сегодня день недели, сколько мне лет, как меня зовут и, мамочки, какой у меня натуральный цвет волос. Все, блин, забыла! Потому что, по ощущениям, будто только что получила пулю в голову.

В упор. Без предупреждения.

Амир!

Меня швырнуло в какой-то фильм ужасов, где я стала главной героиней, и этой героине была уготована не самая лучшая участь.

Похоже, проклятый Дьявол каким-то мистическим образом узнал, кто я. Понял, что я — его Фэр, верная и забитая мышка-замух-

рышка, пойманная в мышеловке для регулярных забав одного из самых успешных богачей нашей державы согласно рейтингу нынешнего года.

Я думала, что наша с ним история — начиная с первой встречи и заканчивая сегодняшним адским днем — не иначе как глупый пранк, дурацкий и ни капли не смешной розыгрыш сучки Лерки.

Но где же камеры?

Где ведущий, который, по всем правилам, должен выпрыгнуть откуда-нибудь из-под кровати с криками: «Еху-у-у! Вас разыграли! Улыбаемся и машем!»

Сколько я ни жмурилась, сколько ни кусала язык, чтобы проснуться, ни черта не получалось. Только и слышала, как свистит плеть у самого уха, как хрипит и пыхтит разъяренный Сатана за моей спиной и с какой силой мое собственное сердце таранит грудную клетку — вот-вот выскочит и умчится прочь.

Нет, это вовсе не кино! И никакая не постановка!

Случайности все же случаются.

Хотя я более чем уверена, что случайностей вообще не существует.

Есть ад. Есть рай.

Есть мы, ничтожные людишки.

Которые просто играют свою роль, развлекая тех, кто находится выше.

А судьба — это и есть главный инструмент высших сил.

— Я знаю, что это ты! Марина. И сейчас ты сполна ответишь за свои выходки.

В ушах вот уже полминуты звучит приговор босса, словно эхо в горах, отчего я застываю в полнейшем ступоре, будто меня облили бетоном, который за миллисекунду превратился в твердую, пуленепробиваемую оболочку.

Амир наваливается на меня сверху, прижимаясь твердым членом к моим напряженным ягодицам, которые я невольно сжала в ожидании острой боли от шлепков кожаного ремня. Я чувствую его горячую твердую эрекцию, и головокружение усиливается.

Босс вжимается членом в мои ягодицы, и я мысленно верещу.

Боже! Какой же он горячий, какой огромный!

И от этого напора, от этого властного прикосновения внизу живота взрывается жерло вулкана, а в промежности становится мокро и горячо.

Как же так?

А вот так! Предательское тело помнит нашу с ним первую близость. Оттого и реагирует, потому что предвкушает продолжение. Да и вообще, разве можно устоять перед таким восхитительным мужчиной? Перед его несравненной эрекцией, порочными прикосновениями, бархатным голосом, безупречным имиджем?

Правда, сейчас я была «слегка ошарашена», познав босса в стопроцентном гневе.

Оказывается, до сегодняшнего дня Амир был просто душкой-ангелом.

Но теперь он раскрыл мой главный секрет.

Как истинный доминант, Амир обрушивается на меня сверху, хватает за шею, грубо, до боли в трахее, заставляя издать хриплый стон, кончиком языка облизывает скулу и шипит мое имя, угрожающе и коварно, по слогам:

— Ма-ри-на...

Господи-и-и!

Все! Он и правда узнал.

Но как? Как! Ка-а-ак? Черт возьми!

Шею свернет, на куски порежет, и пикнуть не успею. И не посмотрит, что я не специально к нему пошла — меня коварно подложили.

Разве чудовище будет разбираться? Ха-ха! Просто шею свернет — вот и все разборки.

Когда поймет, что принял на работу шлюху.

Тем более что двойная занятость в компании «De.Vil Industry» запрещена.

А если добавить тот факт, что он собственными руками касался отстойной замухрышки, получится весьма ощутимый удар не только по его знаменитому имиджу, но и по королевской самооценке.

Так и знала, что наши игры ни к чему хорошему не приведут! Идея подразнить сущее зло оказалась провальной. Но куда было деваться?

Теперь мне конец. Даже завещание не успела настроить.

Хотя кому? Тараканам, что проживают под сгнившим плинтусом в моей лачужке? Или

папе-алкоголику, который за день прожрет мое единственное жизненное достижение?

В голове полный туман. И я не в состоянии контролировать поток мыслей, потому что еще ни разу в жизни не боялась настолько сильно.

Меня трясет и колбасит. От свистящих звуков ремня, рассекающего воздух и врезающегося в шелковое одеяло, от частого дыхания, обжигающего мне ухо, от хрипов и от рычания этого голодного, сильного, одержимого монстра.

В панике ловлю воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, ногтями впиваюсь в его крепкие пальцы, чтобы отпустил. Мне ведь нужно сказать свое последнее слово перед казнью, раз демон узнал, кто я такая на самом деле.

Отчаянный всхлип вырывается на свободу, но меня перебивают.

— Сегодня я буду звать тебя Мариной! — Он продолжает лизать мне шею, ухо, от самого основания до виска, сдавливая горло

до темных всполохов перед глазами. — Фэр! Мелкая! Или пустышка! — одержимый бес смеется. — Сегодня мы поиграем в другую игру, Биби. Сегодня ты станешь ею. Этой мелкой самоуверенной занозой в заднице!

СТОП!

Что?!

Ну вот теперь я окончательно запуталась.

Он швырнул меня обратно на кровать, и я не успела опомниться, как получила жгучий удар по ягодицам.

Да он чокнутый! Мерзаве-е-ец!

Запугивание закончилось. Амир больше не лупил ремнем по матрасу — он целился в меня.

Шлепок!

Еще один!

И еще!

Потом — сразу два!

Молчать, Марина! Не смей перечить и огрызаться! Терпи.

Игра продолжается. Рот на замке. Помни о договоре.

Я еле-еле сдержалась, чтобы не заорать благим матом на весь элитный поселок, но боль быстро привела меня в чувство.

Вообще-то ощущения были странные. Мне было одновременно больно и интересно.

Наверное, я просто извращенка, похлеще Амирчика. Потому что от этих шлепков и от спектра запредельных чувств, которые я только что испытала, моя грудь набухла еще сильнее, а соски приятно заныли. Не говоря уже про невыносимое пламя между ног.

— Так тебе! Получи, Фэр-р-р!

Шлепок. Рык. И поцелуй.

В место удара.

Амир продолжал вершить наказание ремнем, а я — подпрыгивать на кровати, будто мяч, вцепившись вспотевшими ладонями в простыню. Через минуту изощренных пыток я настолько сошла с ума, что едва сдерживала стоны.

Стоны?

Да.

Именно стоны.

Потому что мне, прости господи, начали нравится наши безумные забавы.

Особенно та нежность, с которой Амир после каждого удара облизывал мои ягодицы.

В том, что на коже оставались красные полосы и ссадины, я не сомневалась.

Но хуже было то, что все это время я получала ментальный оргазм.

Здравый рассудок отключался, вытесняя мысли о том, что я вела себя как настоящая шлюха, требуя еще зрелища, еще сладкой боли, еще порочных наслаждений!

Разумеется, когда-нибудь мне придется вернуться в реальность и, может быть, даже ужаснуться самой себе. Но чуть позже.

После восхитительного оргазма и удовлетворения моих самых аморальных желаний.

* * *

Наигравшись с ремнем, Амир вдруг накрыл мое тело своим, прижался щекой к моей щеке, сделав перерыв, чтобы отдышаться. Он был по-прежнему в одежде. Правда, пиджак снял, а галстук разорвал без всякого сожаления, так что он болтался на его груди, словно поводок.

Босс был весь мокрый и невероятно возбужденный.

Белоснежная рубашка пропиталась потом, как и брюки, сшитые из дорогой, элит-

ной ткани. С его восхитительных волос, на ощупь напоминавших бархат, капала влага. Уф, сколько же силы в этом необузданном мустанге, сколько сумасшедшей страсти и порочных желаний, мамочка родная! Он весь взмок, бедненький, пока порол ремнем непослушную игрушку.

Я тоже немного расслабилась, выдохнула, наконец, полной грудью.

Отдышавшись, Амир потерял щекой о мою щеку и заурчал:

— Прости, Хабиби. Сорвался. Сегодня я не в настроении! Прости за боль. Но так надо. Надеюсь, эта боль будет сладкой и тебе понравится, малышка. Сегодня я хочу поиграть.

Я чувствовала, как моя кожа горит от его прерывистого, горячего дыхания. Кончиком языка он ласкает мою ушную раковину и мочку, да так жарко, что живот сводит острыми спазмами, как будто я срываюсь и падаю в пропасть.

— Ма-ри-на... — он шепчет МОЕ имя, растягивая каждую букву, как будто трахает и его тоже, а я не могу-у-у! Я просто тону, задыхаюсь и захлебываюсь в невероятном спектре чувств. И вообще, к бесу, не пони-

маю, что здесь происходит?! Во что он играет? Играет ли? Или действительно знает, кто я такая?

— Моя помощница. Высокомерная зазнайка! Бесит меня! Нос передо мной, самим, мать его, Дьяволом, задирает. Нет, она не грубит мне напрямую, держит рот на замке. Просто в глазах эти искры высокомерия так и пляшут, так и пляшут, проклятие!

Он тянет меня за волосы еще сильнее, а я рефлексивно сжимаю зубы, чтобы не закричать, выгибаясь, как пластилиновая фигурка.

— Не пара она мне, ясно! Да кто Я, а кто она! Даже одеваться нормально не умеет! Но отчего-то бесит прям до пены на губах! Наверное, потому что понимаю: мы с ней из разных миров. Я — вершина облаков. А она — дно земли. Грязь под ногами. И это не позволяет мне прикоснуться к маленькой заносчивой Фэр! Поэтому давай просто немного пошалим. Сегодня тебя будут звать не Биби, а Фэр. Что скажешь? Поможешь мне забыться? Чтобы не думать о вредной занозе, что так глубоко засела в моем холодном сердце?

Господи!

Невероятно.

Слов не нашлось в ответ. Лишь слезы, которые хлынули по щекам от таких неожиданных оскорблений.

Вот, значит, как?

Грязь и небо?!

Маска, скрывающая мое лицо, буквально за несколько секунд пропиталась соленой влагой.

Хочет поиграть, гад?!

Давай!

Давай, блин, поиграем в маски-шоу!

Я тебе устрою такой спектакль, что ты однажды сам приползешь ко мне на коленях и будешь молить о прощении. Я заставлю тебя страдать. Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы ты рехнулся до чертиков от меня. Чтобы ты влюбился до безумия.

Да, Дьявол.

Ты меня плохо знаешь.

Я стану твоим проклятием.

Без которого твоя жизнь потеряет смысл.

Без которого ты сам превратишься в грязное дно.

Я просто вырву твое сердце, вырежу на нем свое имя, как клеймо, чтобы ты страдал до самого своего последнего вдоха!

Готов?

Тогда начинаем!

В мыслях что-то щелкнуло. Слезы мгновенно высохли, а по венам побежал ток в тысячу вольт.

Нет, я не буду нарушать договор, навлекая на себя новые неприятности.

Несмотря на то, что мне очень хотелось сорвать с себя маску и отвесить высокомерному мерзавцу пощечину. Но я решила поступить по-другому.

Я хочу быть сильной! Поэтому буду хитрой.

Я вырву из него душу и раздавлю ее в кулаке.

Он не знает, на что я способна. Я ведь один и тот же человек!

Неужели мой босс такой редкостный подонок, что любит лишь за внешность?

Но я докажу, что это не главное. Ни статус, ни сумма на счете в банке не имеют значения.

Ненавижу своего босса!

*Раз так он ко мне относится, то и я
может не буду особо любезничать.*

Просто буду воспринимать его в качестве источника дохода.

Будто он не человек, а живая безлимитная купюра.

Деньги и секс! Никакой привязанности.

Он думает, что это я шлюха?

Ах-ха! Да хрен ему!

Это он — самая настоящая шлюшка, которую я использую для удовлетворения собственных нужд. Чтобы получить удовольствие и заодно расплатиться с долгами.

Ничто не вечно — это факт.

Когда-нибудь наши встречи прекратятся. Но пока до этого не дошло, я почему-то уверена, что Амир станет моим постоянным клиентом. И если вдруг узнает, кто я такая на самом деле, клянусь — я просто плюну ему в лицо. И уйду.

Мне не место рядом с черствым, лицемерным монстром, который судит людей не по уму и способностям, а по внешности.

Он пользовался мной, он владел моим телом. Он стал моим первым мужчиной.

Горько, но ничего не поделать. Я пришла к нему добровольно.

В ответ я воспользуюсь его деньгами.

Все по-честному, Дьявол.

Что ж.

Игра началась.

* * *

— Моя подчиненная конкретно меня выбесила! Поэтому сегодня будет минимум нежностей. Я возьму тебя жестко, лапочка! Становись на колени, прогнись, как кошечка, и давай сюда свою попу!

Что-о-о?!

Проклятый демон!

Грязный сноб и извращенец!

Амир слегка отстранился, на короткий миг выпустив меня из своих загребущих объятий, но лишь для того, чтобы избавиться от одежды и позаботиться о мерах защиты. Судорожно сглотнув, я продолжала лежать на животе с одеялом в зубах, прислушиваясь

к шелесту одежды и звуку расстегивающейся ширинки.

А мое сердце в груди сходило с ума!

Тарахтело и трепыхалось, врезаясь в ребра, будто участвовало в марафоне на выживание.

— Она такая мошка! Высокомерная зазнайка! Я б ее в попу отымел! — Сердцебиение зашкаливало, а тело превратилось в сплошной оголенный нерв. — Сама при виде меня трясется, а глаза горят, будто бросает вызов. Два раза за неделю кофе на новый «Армани» выплеснула, засранка!

Да! Было дело.

У-у-упс!

Я запаниковала.

Это было во вторник. Утром. Воспоминания о первой ночи в клубе вышибли меня из колеи.

Не хотела. Честно.

Переволновалась. Испугалась!

— Сучка! Притворяется скромницей! Но на самом деле наглая. Просто я ее хорошенько припугнул, когда вазу разбила. А она все равно пакостить вздумала. Тихушница! Думает, я не догадался, что живот прихватило

вовсе не от просроченных сливок. А от слабительного, подсыпанного в кофе!

Ох, нет!

*Когда он шептал мне на ухо свои догадки,
я мечтаю просто исчезнуть.*

В воздухе раствориться. Стыдно и обидно!
Какой же он все-таки дьявольски сообразительный гад.

— Ничего-ничего! Однажды я сорвусь и выдеру по самые яйца в ее надменную попку!

Ну капец просто. Вот уже и угрозы пошли.
Срочно увольняться. Ага, как же!

Уволилась. Если бы не дурацкие долги.

— Ладно, хватит объяснений. Давай лучше делом займемся. — Матрас прогнулся под весом босса, когда он, уже абсолютно голый и жаждущий мщения, пристроился к моим бедрам.

В комнате стало невыносимо душно.

От Амира несло жаром, как от раскаленной печи.

— Ручками, Хабиби! Помоги мне! — Он шлепнул ладонью по бедру, и я дернулась. — Ну же! Давай, раздвинь своими нежными руч-

ками обе сладкие половинки. Так, чтобы мне было хорошо видно твою тугую скважинку.

Он серьезно?

Бли-и-ин, как же это стремно. Попу ему показать? Совсем ополоумел?

Можете считать меня отсталой, но я никогда не понимала людей, которым нравилось использовать свой анальный проход не по назначению.

Я почувствовала, как мои щеки обожгло смущением.

Это, в конце концов, так мерзко и неприлично!

Кажется, я переоценила свои возможности, когда подписала тот клятый договор.

Я заерзала на одном месте, не решаясь выполнить его желание, но тут же получила карательный шлепок по воспаленным ягодицам.

Резко выгнулась от удара, запрокинула голову назад, покорно оттопырила пятую точку.

— Ты тратишь не только мое бесценное время, Мышка. Но еще и терпение.

Хорошо, хорошо.

Я уже поняла, что перед смертью не надеюсь.

Медленно сжав ладонями ягодицы, я аккуратно развела их в стороны и едва всхлипнула от ожидания новой боли. Потные ладони босса коснулись моей зудящей кожи.

— Ох, Всевышний! — Дьявол присвистнул, заикнувшись от восторга. — Гореть мне в вечном аду! Какой потрясный вид! Кто-нибудь уже владел твоей миниатюрной дырочкой?

Внезапно в его голосе послышалась ярость.

Он что, ревнует?

Я быстро помотала головой.

Чер-р-рт! Только не это.

Я на такое не подписывалась.

Хотя нет. Подписывалась.

Перед глазами мелькнул тот проклятый договор, который впихнула мне Лерка перед повторным «свиданием».

— Прекрасно! — Амир даже обрадовался.

Он выговорил это с такой торжествующей интонацией, словно только что выиграл мировую войну.

А дальше последовала череда осторожных прикосновений.

Амир вцепился в мои половинки обеими руками, крепко ухватился, слегка помассировал, издав хриплый стон восхищения.

И снова меня шандарахнуло током, стоило только почувствовать касание мужской плоти. Сначала случайное — где-то чуть ниже левой ягодицы. Затем он ткнулся горячей головкой в ложбинку между ягодиц, скользя вверх и вниз, увлажняя анальный проход липкой смазкой.

Ох! С новыми ощущениями смириться было трудно. Я продолжала мычать и ворочаться каждый раз, когда огромный фаллос Амира касался моей напряженной дырочки, вырисовывая узоры вокруг анального отверстия.

Он дразнил, играл, но пока еще не входил, наслаждаясь моей реакцией и своим превосходством. Кажется, деспота забавлял сам процесс перед началом акта, а также запах моего страха.

В какой-то момент Амир вдруг отстранился и, не позволяя мне перевести дух, быстро вставил указательный палец в плотное колечко, предварительно смочив его слюной.

— Плотная. Сочная. И маленькая дырочка. Очень скоро я буду обладать и тобой тоже, моя кроха. Но для начала разработаем. Чтобы не было больно.

Боже, смилуйся!

Я мысленно ахнула, сдерживая вопли и ругательства в адрес этого извращенца. Босс лишь недовольно фыркнул, наклонился ближе и языком поиграл с узким проходом. Несколько раз ритмично облизал, старательно увлажнив кожу, после чего толкнулся кончиком языка вглубь напряженного в истоме тела.

Когда я снова начала дергаться и вырываться, Амир грубо рывкнул:

— Фэр! Прекрати, иначе придется тебя связать. — Он так разозлился, что даже шлепнул меня членом по бедру.

Но я все равно извивалась и дергалась — тело само реагировало на прикосновения, будто он касался меня не членом или пальцем, а шокером.

И тогда Амир меня связал.

Поставил на колени, а руки привязал к ножкам стола.

С ума сойти...

Глава 2

Закончив ласкать анальное колечко языком, босс на долю секунды прижался мужской плотью к крайне чувствительной зоне ягодиц, заставляя меня ахнуть и закатить глаза. Невероятно! Не знаю, какой демон в меня вселился, но мне не хотелось, чтобы он останавливался.

Наоборот, мне хотелось большего.

Чтобы он начал ласкать меня одновременно в двух местах.

Сумасшедшие мысли прервались шелестом рвущейся упаковки. Латексная броня туго обволокла мощную мужскую потенцию. Но я этого так и не увидела, поскольку была привязана к ножкам стола и стояла на коленях спи-

ной к партнеру. Так что мне оставалось лишь облизывать губы в нетерпении и ощущать, как вся кровь хлынула вниз, к промежности.

Я подумала, что стоит ему лишь раз коснуться меня там, и я тут же взорвусь в жарких судорогах, сжимая горящими бедрами головку твердого, пульсирующего спермой и кровью члена.

Так и случилось.

Впившись крепкими пальцами в мои ягодицы, Амир издал хриплый стон, а потом быстрым, напористым толчком ворвался в изнывающую от желания промежность, толкнулся до самого предела, грубо выругался на арабском.

Я тоже застонала, хоть и тихо — держалась как могла.

Нельзя, чтобы Амир узнал мой голос.

Спектакль продолжался. Демон решил поиграть в ролевые игры, сделав меня... МНОЙ! Обхохочешься. Кому рассказать — в лицо рассмеются, пальцем у виска покрутят. Прямо хоть кино снимай.

*Сегодня самый сумасшедший день в моей
и без того сумасшедшей жизни!*

Главное — вытерпеть до утра. А потом — забыть.

Забыть! Навсегда! Потому что это уж точно наше с ним последнее свидание «инкогнито».

Хотя вообще-то ничего забывать не хочется. Жить бы и дальше в сладкой сказке, получая удовольствие рядом с мужчиной, по которому сходишь с ума.

Но что поделать. Жизнь — не сказка. Если Дьявол узнает всю правду, не сносить кое-кому головы.

Ведь он ненавидит замухрышку Марину! Хочет втоптать ее в грязь. А тут вдруг окажется, что ему подсунули такую свинью.

Это же удар по железной самооценке, не иначе.

Босс между тем обхватил меня за живот, привлек к себе и одним уверенным рывком резко насадил на стоящий колом член, пружинистыми толчками начал двигаться, как ошалелый, порывая мне в ухо. Правой рукой сжимал, периодически пощипывая, сосок, а указательный палец левой засунул мне в рот:

— Соси!

Проклятие!

Всосав его палец, украшенный золотым перстнем и вкусно пахнувший табаком, до самого основания фаланги, я подпрыгнула на месте, ощутив мощный спазм. И в ту же минуту непроизвольно сжала зубы.

Он выругался, толкнувшись в меня с такой бесчеловечной агрессией, что мне стало больно.

Боже!

Я не хотела. Просто потеряла контроль. Кажется, я прикусила его палец до крови, так как моментально почувствовала металлический привкус на языке. Амир отреагировать на укус по-своему: резко дернул меня за волосы.

Во время сумасшедшего оргазма я продолжала сладко сжиматься, сидя на члене босса и одновременно посасывать его палец, языком зализывая ранку. Грязно, порочно, как умелая проститутка. Но я ничего не могла с собой поделать: желание взяло вверх над разумом. А яркая вспышка экстаза швырнула меня за край реальности.

Амир взорвался синхронно со мной — в тот момент, когда я чуть было не откусила

его палец, зашелся на максимальной скорости, кончил в презерватив.

Он двигался во мне одновременно: и пальцем, и членом.

Он трахал меня с бешеным напором. И в рот. И во влажную плоть.

Никто и никогда не делал со мной ничего подобного! Ничего такого, от чего я билась бы в невообразимых конвульсиях.

Но даже в этот момент я продолжала внушать себе, что не должна испытывать к Дьяволу какой-либо симпатии, ни грамма позитивных чувств.

Не получалось! Даже когда я мысленно сотню раз подряд повторяла, словно мантру: «Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу-у-у! Не буду кончать под тобой! Не буду кончать для тебя! Ты лишь мешок с деньгами! Я тебя тупо использую!»

Не тут-то было. Кончала как миленькая. Кончала и мысленно визжала, сжирая губы до основания.

Мне кажется, гребаный монстр довел меня до струйного оргазма.

Если презерватив не лопнул, то это так. Потому что я ощутила, как по ногам потекла теплая влага, и я на несколько секунд лишилась чувств.

Голова стала тяжелой, как кусок свинца, дыхание сбилось, окружающие предметы поплыли перед глазами.

Промычав что-то невнятное, я рухнула вперед, но Амир успел обхватить меня руками, прижав спиной к груди.

— Тише, тише, Биби... Не засыпай только, не засыпай. — Потрепал по щекам, а затем быстро избавил мои руки от шелковых красных лент, которыми я была привязана к ножкам стола.

Осторожно уложил спиной на ковер, навис сверху, продолжая пошлепывать по лицу. Замычав, я нехотя раскрыла глаза — испугалась, что он попытается снять маску или, еще того хуже, она сама сползет с лица.

— Вот так, девочка. Моя Хабиби. Моя дорогая. Настолько сильно понравилось, что даже потеряла сознание? — Голос деспота буквально плыл от нежности и волнения.

Никогда еще он не говорил так сладко. Захотелось прижаться к нему всем телом, уткнуться в шею, разрыдаться.

Кивнула. И пустила первую слезу от радости.

Очень сильно! Очень.

Мои губы дрожали, в глазах до сих пор мигали разноцветные пятна, а мышцы лона подергивались в жаркой пульсации. И эта пульсация длилась чуть больше минуты.

С ума сойти можно...

— У меня на родине говорят так: «Если любимая женщина потеряла сознание во время оргазма, то она точно превосходная хозяйка!»

Амир рассмеялся, нежно погладив меня по скуле тыльной стороной ладони. А затем рванул на себя и крепко прижал к груди.

Я слышала, как громко билось его дьявольское сердце.

— Солнышко мое. Моя девочка. Какая же ты удивительная. Как же мне хорошо с тобой. — Он осыпал поцелуями мои щеки, губы, гладил по волосам, перебирая пальцами

спутанные пряди. — Хочу тебя каждый день. Каждый час и каждую минуту. Как жаль, что ты всего лишь собственность клуба. Их гребаная игрушка. Хотя... нет! — Он выждал паузу, сверкнув черными глазами. — Я сделаю все возможное, чтобы ты стала лишь моей.

Чуть не добавил слово «игрушкой».

Меня передернуло.

Где-то в области солнечного сплетения случился взрыв. Кажется, это проснулась задремавшая было гордость.

Не стану, Амир. Не стану.

Ты станешь моей игрушкой.

Не я. А ты.

— Такая мокренькая и тугая. Развратная скромная девочка. В миллиард раз лучше, чем безвкусная Фэр. У меня есть ты. Ты можешь стать тем, кем я захочу.

Он поиграл большим пальцем с моей нижней губой, оттянул ее, поцеловал. Потом подхватил на руки и понес к кровати, уложив спиной на прохладные шелковые простыни. И сам упал рядом, обнял, притянул ближе, уложив щекой на раскаленную грудь.

— Вот так, Биби. Полежи со мной, пожалуйста. Просто полежи.

А дальше вдруг заговорил на арабском:

— Не знаю, что со мной. В последнее время я сам не свой. Прости, что сорвался, заставил тебя притвориться Мариной. Я напился, веду себя как конченный психопат. Думаешь, богатым и известным живется в кайф? Наверно, считаешь, что я счастлив? Но не в деньгах счастье, а в принятии себя. Я ведь грязнокровка. Грязный ублюдок-метис, как дразнили меня одноклассники и братья. Я надеялся, что, разбогатевав, заслужу их восхищение и уважение — ведь никто из них ничего не добился в жизни!

Я одняла его в ответ, притворилась, что задремала.

Но разве можно заснуть, когда на ухо тебе льют такие откровения?

Мой босс принялся мне исповедоваться, думая, вероятно, что я не знаю арабского языка. А у меня сердце в желудке отбивало чечетку, а давление подскочило до рекордной высоты.

Он вывернул мне душу своими рассказами.

Об отце. О матери, которой он лишился слишком рано. О братьях и сестрах, которые

часто над ним издевались и унижали из-за того, что его мать была русской шлюхой, как они утверждали, а он — ошибкой природы, грязнокровкой.

Амир перебирал мои волосы кончиками дрожащих пальцев, продолжая рассказывать о своей жизни. Иногда мне казалось, что он плачет. Но нет, слез я не видела — только чувствовала, как он напряжен, как его сердце не может успокоиться... все колотится и колотится, будто вот-вот пробьет грудную клетку и подскочит к потолку.

Я сама готова была расплакаться от той невыносимой боли, с которой он со мной делился.

И будет делиться всегда.

В будущем.

Когда мы будем встречаться с Амиром регулярно, каждую неделю.

Он этого добьется. А я окажусь слишком слабой, чтобы противостоять власти влиятельного миллионера.

* * *

Приближался рассвет. Тучи, сгустившиеся за окном, посветлели. Наша бурная ночь про-

летела на одном вздохе. Обняв Амира еще крепче, я вдруг осознала, что не хочу с ним расставаться — он был добрым, чувственным, искренним и прижимал меня к себе крепко-крепко.

Я решила назвать его Настоящим.

Амир. Настоящий.

А тот Амир, которого мне приходилось видеть на работе, пусть останется просто... дьяволом.

Мне нравилось слушать его бархатный голос, вдыхать запах его восхитительного тела, тереться щекой о рельефные мышцы груди, чувствовать ласку, тепло и защиту и принимать чувственные поцелуи, предназначенные лишь мне одной.

Его девочке. Его Хабиби. Любимой.

Так он стал меня называть сразу, как только увидел.

Тогда же стало ясно — я просто им заболела.

И где взять лекарство от безумной болезни, я, увы, понятия не имела.

Когда Амир выговорился, то вдруг мягко погладил меня по животу, шепнув на ухо уже на русском:

— Извини, маленькая, если сделал тебе больно. Сорвался. Накипело! Это все моя подчиненная виновата. Довела. Мышь.

И снова я вся подобралась, когда услышала это ненавистное «Мышь, подчиненная»... Легким стало не хватать кислорода.

— Не слушает меня, нос задирает. Как будто летает в облаках или специально издевается. Я ей по сто раз задания разжевываю. А потом она в юбке приперлась. И у меня на нее стояк проснулся. Что за хрень происходит? Ни черта не понимаю! Она же никакущая! Не моего сорта фрукт. Узнает кто из коллег, что связался с такой, — засмеют. Еще и пресса крик поднимет — им же только повод дай. Пришлось троих шлюх заказывать, чтобы хоть как-то облегчить дискомфорт. Но и шлюхи не помогли. Поэтому я и уболтал клуб на повторное свидание. Не поверишь. Но мне полегчало. Только ты! Только ты, моя дорогая, помогла мне расслабиться и забыться. Сейчас вот лежу и улыбаюсь... Как будто камень со спины свалился. И все благодаря тебе.

Сначала мне стало обидно.

А потом вдруг — приятно...

Вроде сначала он меня в грязь мордой макнул, а потом приласкал и грязь эту сам же и вытер.

Идиотская ситуация, ничего не скажешь...

Но все равно отвратительно, что он людей по обертке судит!

Интересно, что было бы, приди в понедельник на работу не Фэр, а Хабиби?

Вот бы глянуть на его напыщенную рожу!

— Я такой девушки еще никогда не встречал. Ты идеальна. Меня к тебе тянет. С тобой я чувствую себя по-другому. Легко. Спокойно. Ты меня готова и выслушать, и удовлетворить так, что член рыдает от радости.

Внезапно Амир перевернул меня на спину, быстро накрыл своим роскошным телом мое — дрожащее и влажное, с торчащими сосками. Склонился к губам, опалив горячим дыханием подбородок и промурлыкал:

— Никому. И никогда. Я не рассказывал о своей жизни то, что сейчас рассказал тебе, моя дорогая. Мой лучик света в темном мире. Мой Ангел. Да, девочка... Ты — мой Ангел. И хоть я не знаю твоего имени, твоего лица,

почему-то чувствую, что ты — удивительная девушка. И ты — моя истинная половинка, которую я ждал всю жизнь.

Что он...

Сумасшедший!

Я даже рот открыла от изумления, но Амир, воспользовавшись случаем, обрушил на меня череду страстных поцелуев, а его неукротимая эрекция вновь взорвала мое обмякшее тело, и сладкие пытки повторялись вновь и вновь.

До самого рассвета.

Пока, не получив еще один крышесносный оргазм, мы не провалились в сон, выжатые досуха, как две половинки разрезанного надвое лимона.

Что же мне теперь делать? Как заставить себя ненавидеть этого умопомрачительного гада? Мне ведь еще никто никогда не говорил ничего подобного! Не целовал так бешено и так страстно! Не доводил до обморока своей сумасшедшей любовью.

Кажется, мой коварный план мести летит в тартарары.

* * *

Не знаю, сколько я проспала. По ощущениям, не менее суток. И продрыхла бы намного дольше, не разбуди меня настойчивый стук в дверь.

Я подскочила, схватившись за сердце и практически свалилась вниз головой с кровати. Лихорадочно огляделась по сторонам — пусто.

Нет его.

Ушел, как обычно.

Оставил после себя лишь мятые простыни, окурки в пепельнице, аромат власти на моей коже, следы от зверских поцелуев и шлепков ремня по всему телу и... толстый конверт с деньгами.

Постель давно остыла. И на сердце вдруг стало одиноко.

Завернувшись в простыню, щурясь от яркого солнечного света, который проникал в комнату сквозь распахнутое настежь окно, я пошлепала к двери.

Отворив ее, я проснулась окончательно, потому что увидела перед собой взволнованное Леркино лицо.

— Ну наконец-то! Я думала, он тебя того... перестарался и... придушил случайно. Два часа дня, моя дорогая! А ты все дрых...

Что?!

Я заорала, задыхаясь от возмущения:

— Лерка-а-а! — Я едва сдержалась, чтобы не сорваться и не врезать ей по физиономии. — Ты совсем сдурела?! Почему он? Почему он снова?

— Ну прости, прости-и-и! Сюрпри-и-из! — Подруга скорчила дебильную рожу, хлопнула в ладоши и, развернув меня спиной к себе, толкнула на кровать.

Так, спокойно! Спокойно!

Вдох. Выдох.

Вдох. Выдох.

И мы опять играем в любимых...

Пропадаем и тонем в нежности заливах.

Стоп!

Дурацкая песня.

Возникла в голове сама по себе. Так мне и надо, помешанной дурочке.

Влюбленной дурочке.

У которой чувства взяли вверх над разумом после пары комплиментов от Господина Монстра.

Соберись, Марина!

Но куда там! Я вспоминала последние слова Амира и ощущала себя розовым единорогом — хотелось радостно скакать по лугу, пожевывая волшебную травку-муравку.

«Я такой девушки еще никогда не встречал. Мой лучик света в темном мире. Мой Ангел», — сладким эхом звучали слова босса в моей опухшей, как во время похмелья, голове.

А вдруг он говорил то же самое сотням других наивных девственниц, а потом вырывал их сердца и складывал в копилку своих гербовых достижений?

Лера, усевшись напротив меня, сияла ярче солнца. Она воодушевленно размахивала руками, осыпала меня комплиментами.

— Это нонсенс! Представляешь? Никогда еще за всю историю существования клуба ни-

кто не заказывал одних и тех же баб. А этот... он реально как бешеный Дьявол! Рвал и метал! Требовал, чтобы ему снова дали тебя! Иначе порешит тут всех и вся. Взамен предложил невероятно вкусные денежки.

— Что? — Я открыла рот, отказываясь верить в услышанное. Даже злость на Лерку отошла на второй план. — Как это?

— А вот так, милочка. Дьявол хочет тебя на постоянной основе.

Невольно схватившись за грудь, я ощутила, как сердце пропустило несколько ударов.

— Невероятно.

— Вот и я о том же. Чем это ты ему так сильно в душу въелась? Вот тебе и скромняшка-отличница! Не зря я тебя заметила. У меня зоркий глаз на... э-э-эм... самое уникальное и удивительное. — Она рассмеялась, прикрыв рот ладонями.

— Лер, я не могу больше... с ним. — Я знала, к чему она клонит. — С меня довольно.

— Эй, перестань! Не говори «нет», пока хорошенько все не обдумаешь. На кону ну о-о-очень крупные денежки. Ты ведь хочешь рассчитаться со всеми долгами?

— Хочу.

А еще хочу отомстить кое-кому за унижения.

Это с одной стороны. А с другой...

Мне мало Амира. Он для меня уже стал наркотиком.

Попробовав один раз, я подсела.

Все. Моя душа сломана. Дьявол ее забрал.

Опорочил и надел на нее цепь, привязав к себе навечно.

Регулярные встречи — это не только риск, но и способ как можно быстрее сбежать из компании «De.Vil Industry», рассчитавшись за треклятую вазу.

— Ну и в чем проблема, милая? — Лерка плюхнулась рядом на скомканные простыни.

Выдохнув, я сняла с лица маску, о которой совсем забыла, как будто она намертво приклеилась к моему лицу, стала со мной одним целым:

— В том, что он мой босс. И ты ведь это знала?

— Ну прости. Узнала уже после, когда ты заполнила бумаги и ушла на ваше «первое» свидание. То, что вы встретились тут, это просто феноменальная случайность. Всякое в жизни повидала, но чтоб такое... Чудеса, да

и только! После того как Амир Джабирович потребовал тебя снова, я сначала не согласилась, всячески отказывалась... но он — влиятельный и весьма опасный человек, умеет убеждать.

— И ты решила вот так вот нагло меня подставить?! — Я снова почувствовала возмущение.

— Извини, Мариш. Желание клиента — закон. Я ничего не могла сделать. А ты бы не согласилась. Да не узнает он тебя! Гости заведения «Тишина» тесно общаются друг с другом, играют в покер, коньячок попивают, делятся интересами. У нас тут нечто вроде братства, каждый чтит и уважает законы клуба почище Уголовного кодекса. Так что не сомневайся, без твоего согласия клиент не полезет к тебе под маску. Это негласный закон. Короче, ничего не бойся и соглашайся на мое предложение.

Я немного подумала, покусала губы и сказала «да».

— Но с одним условием: моим клиентом будет только Амир.

— Ты ж моя рыбонька! Отлично! — Леруня аж подскочила на радостях, хлопнула в ладоши, чуть ли не с поцелуями ко мне полезла. — Амир, значит! — Она выдавила ехидную улыбку. — То есть вы уже с ним на «ты»?

— Да нет же! Ничего такого! — Мои щеки вмиг обожгло смущением.

— А мне кажется, что ты, детка, на него запала, — Лерка улыбнулась мягче, вглядываясь в мои глаза. — Именно поэтому и согласилась, так ведь? Ведь не только из-за денег, а чтобы прикоснуться к совершенному?

Да, блин!

У меня что, это на лице написано?

— Н-ничего подобного! — разозлилась я, быстро отстранилась, засемила к ванной, спотыкаясь на каждом шагу, наступая на дурацкую простыню.

— Ну, как скажешь, — протянула Лерка. — Кстати, Амир Джабирович уже оплатил услуги врача. Собирайся, сейчас позавтракаем и прокатимся в больничку. Там тебя посмотрят, возьмут кое-какие анализы, выпишут необходимые препараты.

— Это еще зачем? — До ванной оставался один шаг, но меня накрыло каким-то страш-

ным холодом, отчего по спине словно рассыпались ледяные иголки.

— Ха-ха! А ты как думаешь? Ну какому мужику нравится кончать в тесную удавку? Не маленькая, должна знать, что презерватив притупляет ощущения.

Вот тебе и приплыли!

Очередной сюрприз, блин.

И во что я только ввязалась?

Говорила себе! Не влюбляйся, не влюбляйся!

В итоге вертят мной, как хотят, превращают в послушную дрессированную зверушку.

— Надеюсь, паспорт не понадобится?

— Денежки решают все, Мариночка. Никто не узнает, кто ты. Обещаю. Как я уже говорила, клуб заботится о своих девочках. Конфиденциальность превыше всего. Выдохни, расслабься, прими бодрящий душ и спускайся на первый этаж в ресторан. Заведение угощает.

С этими словами Лерка покинула комнату, а я встала под ледяную воду и тут же заорала, надеясь хоть немного выплеснуть эмоции.

Глава 3

Амир

Когда я впервые ее увидел, меня будто прошибло током.

Воспоминания, словно ядовитые змеи, поползли по всему телу, ужалили сначала в голову, а затем — в сердце, вызвали неопи-суюмую боль.

Боль прошлого вернулась.

Впервые встретившись взглядом с этим милovidным чудом в круглых окулярах, с торчащими в разные стороны волосами и в пиджаке на три размера больше, чем требуется, я вновь вернулся в прежний кошмар.

Эта заносчивая саранча по имени Марина напомнила мне одну мерзкую особу — Машу.

Возможно, я зря повесил столько ярлыков на девчонку, но меня моментально накрыло острым ощущением дежавю. В такие моменты я вообще перестаю мыслить трезво и управлять собственным языком.

Их было пять. Пять хорошеньких пышногрудых секретуток. До тошноты скучных: одни и те же лица, одинаковый цвет волос. Груды — как надувные мячи. Даже блузки и те одинаковой расцветки.

Все тот же стереотип: все думают, что восточные мужчины предпочитают блондинок.

Хотя лично у меня они уже в печенках сидят. Хочется разнообразия.

Именно поэтому я задержался взглядом на замухрышке.

Мышке-замухрышке.

Точно!

А вот и имя придумалось.

Фэр. Мышь.

Мелкая такая, щупленькая. И забитая.

Стоит тут, гадкий утенок среди белых лебедей, и вся трясется.

Но при этом глазки поблескивают каким-то задорным огоньком.

Будто готова идти до конца. И видно, что глубоко в душе потрескивает своя сила. Имя ей — гордыня.

Я таких курочек лопал на завтрак, обед и ужин.

Аж за ушами трещало.

И ее слопаю.

Душу ее сожру! До самого дна пить буду и наслаждаться!

Вкусная. Невинная. Скромница.

Я буду доставать тебя морально.

Блондинок трахать в дырки, а тебя — в душу.

Решено!

Фэр сто процентов принята на должность «ментальной жертвы».

Еще, пожалуй, возьму вот это куклоподобное существо без мозгов.

Светлану.

* * *

Фэр оказалась с характером.

С первой минуты нашего знакомства осмелилась перечить.

Ха! Так еще вкусней и веселей.

Как же мне чертовски нравится унижать таких вот замухрышек-зазнаек.

Так же, как они унижали меня в школьные годы.

Сын шейха и простой русской студентки... Встреча моих родителей была случайной, но в результате родилась любовь с первого взгляда. Мать каким-то чудом устроилась официанткой в престижный ресторан, принимающий знатных гостей. Думаю, благодаря удивительной внешности маму и взяли на работу. Арабский она знала отменно. Было в ней нечто притягательное, завораживающее. Золотистые, как песок, волосы, огромные глаза цвета океана, чистая, невинная душа.

У отца было еще три жены и в два раза больше любовниц, но ту русскую студентку он не забыл даже после ее смерти. Когда он рассказывал о маме, в его глазах блестели слезы. Отец любил ее больше остальных жен.

И тем самым вырыл ей могилу.

Ревность стала истинной причиной внезапной гибели Хабиби.

Да! Биби. Так он ее называл. Елена. Или Биби.

Меня воспитывали жестко, без каких-либо нежностей. В этом процессе принимали участие суровые арабские нянечки, а еще — почетные учителя, работающие не один год на благо большой и уважаемой семьи. Братья постоянно меня оскорбляли, называли грязнокровкой, «сыном русской шлюхи».

Мать умерла, когда мне исполнилось пять лет. Но я до сих пор помню ее невероятно красивое лицо, ее дивные глаза, ее бесподобные длинные волосы, лучезарную улыбку. Никто так и не смог выяснить причину внезапной смерти мамы. Врачи заявили, что у нее было слабое сердце. Какая-то генетическая аномалия. Но я, когда повзрослел, стал догадываться... Ее просто отравили завистливые жены шейха.

Никто никогда не узнает, в какой ненависти и боли я вырос.

Отец любил меня так же, как других своих сыновей и дочерей. Но они — нет.

Пришлось рано научиться махать кулаками.

В шесть лет я разбил нос Махиру. За то, что кретин назвал меня сыном шлюхи.

Через несколько недель отметелил до кровавого поноса Вахида, который во время урока приклеил мне на спину листок со словом «грязнокровка».

Буквально через год я сломал руку Ариффу, самому старшему из братьев. Он обозвал меня «выблядком, отпрыском русской потаскухи». В тот день мы всей семьей катались на лошадях в парке, и я просто столкнул его вниз. Не удержавшись в седле, сукин сын свалился на землю и сломал себе руку в двух местах.

В результате, по приказу Лейлы, первой жены, меня исполосовали ремнем и заперли в сарае с лошадиным навозом на сутки. Тогда же я получил свое второе имя — Дьявол.

— Ты тварь. Ты Дьявол! Бездушное отродье! Гореть тебе в пекле! — проклинала меня Лейла, мать Арифа, первого наследника.

А мне было плевать.

Пусть хоть неделями напролет избивают. Я не упаду на колени. Ариф получил по заслугам. Да, меня приказали держать взаперти в грязном сарае до тех пор, пока я не попро-